

УДК 81.432.1-51

С.Н. Плотникова

Дискурсивное конструирование России в современных западных СМИ

В статье анализируется различие между дискурсивным мониторингом и дискурсивным конструированием действительности в СМИ. Установлено, что в западной прессе при освещении событий в России используются особые дискурсивные технологии, с помощью которых искажаются факты и конструируются нарративные версии действительности.

Ключевые слова: дискурсивная технология; когнитивная схема; дискурсивное оружие.

Дискурсивное конструирование действительности в СМИ противопоставляется нами ее *дискурсивному мониторингу*, который мы определяем как последовательную нарративизацию **реально** происходящего события, его последовательную репрезентацию в виде нарратива. Понятие *дискурсивный мониторинг действительности* можно соотнести с понятием объективного журналистского освещения событий. Профессиональная этика требует от журналиста избегать вовлеченности в освещаемое событие; не вступать в дружеские отношения с участниками события, поскольку они могут вызвать предубеждение по отношению к другой стороне; оставлять свои собственные взгляды и мнения «за сценой» и быть беспристрастным наблюдателем — представителем огромного числа людей, которые не могут лично посетить «спектакль» [18].

Театральная метафора очень точно передает суть объективной журналистики, а именно то, что «сцена» принадлежит «действующим лицам»: журналист не вмешивается в происходящее, лишь наблюдает и фиксирует, а затем выводит свое наблюдение на уровень дискурса, дискурсивно мониторит то, что наблюдал.

Дискурсивное конструирование отличается от дискурсивного мониторинга тем, что репрезентируется не реальная, а сконструированная журналистом действительность [12]. Проблематика, связанная с дискурсивным конструированием, относится к критической лингвистике, в которой изучается осуществление и закрепление с помощью дискурса власти, идеологии, социального контроля, неравенства, предубеждения, агрессии, диффамации и т. п. [11; 14; 16].

На наш взгляд, при конструировании действительности в СМИ используются особые дискурсивные технологии. В определении дискурсивной технологии

мы исходим из общенаучного понимания технологии, рассматриваемой как некий порождающий процесс, алгоритм, сценарий, ведущий к намеченной технологической цели — созданию определенного продукта. В данном случае продуктом, получаемым на выходе, будет дискурс, специально разработанный для какой-то конкретной цели, например для обучения персонала организации исключительно вежливому, доброжелательному общению с клиентами [13].

Алгоритм создания даже подобных простых технологий тщательно скрывается от конкурентов. Тем более это относится к сложным, изощренным технологиям, таким как технологии конструирования действительности в СМИ, в частности конструирования России в современных западных СМИ.

Произведем деконструкцию одной из таких технологий на примере освещения сочинской Олимпиады 2014 г. в англоязычных СМИ.

Если журналист аккредитован на Олимпиаде, то именно спортивные состязания, по идее, должны быть для него новостными событиями. Они происходят как реально данная действительность. К примеру, перед спортивным комментатором разворачивается определенный визуальный ряд — этапы состязания; их дискурсивный мониторинг является профессиональной обязанностью журналиста. Однако не все западные журналисты, аккредитованные на Олимпиаде в Сочи, осуществляли дискурсивный мониторинг; некоторые из них конструировали действительность как некий «другой» Сочи, некую «другую» Россию.

Как показывает анализ, конструирование осуществлялось на основе дискурсивизации не относящихся к спорту объектов, в частности объекта «бродячие собаки». Так, 5 февраля 2014 г. CNN было опубликовано сообщение под заголовком «The Olympic city has a dog problem. Thousands of stray canines wander the streets and suburbs of Sochi» (В олимпийском городе проблема с собаками. Тысячи бродячих собак бегают по улицам и пригородам Сочи) [1: URL].

Нельзя сказать, что Олимпиада в этом заголовке совсем не упоминается. Указан олимпийский город, но в видении журналиста Сочи заполнен не спортивными объектами, а **тысячами** бродячих собак. Объехал ли журналист CNN все улицы и пригороды олимпийского города, подсчитал ли он эти тысячи бродячих собак, т. е. описывает ли он реальную действительность? Кто был в Сочи в те дни, скажут: нет, он сконструировал «другой» Сочи, не похожий на тот, который видели мы.

Эта статья представляет не реальность, а «гротескный реализм», под которым в литературоведении понимается взаимопроникновение фактического и вымышленного, причем вымышленного отталкивающе безобразного. Одну-две или даже несколько собак журналист мог видеть, но явно не тысячи. Он прибегает к гротескному преувеличению и тем самым не отражает, а конструирует действительность в целях диффамации, подрыва репутации России как страны, способной организовать проведение Олимпиады на мировом уровне.

В тот же день, 5 февраля 2014 г., о бродячих собаках в Сочи было написано в газете «New York Times» в статье «Racing to save the stray dogs of Sochi» (Спешат спасти [устроили соревнования по спасению] бродячих собак в Сочи) [4: URL].

В заголовке статьи обыгрываются два значения многозначного глагола *race*. Первое значение — «соревноваться, участвовать в гонке, например, лыжной». Это значение косвенно указывает на проходящую зимнюю Олимпиаду. Однако контекстуально реализуется второе значение глагола *race* — «спешить, пытаться обогнать кого-то». В статье идет речь о том, что западные спортсмены наперегонки соревнуются друг с другом в том, чтобы спасти как можно больше сочинских бродячих собак. Журналист конструирует «другую» Олимпиаду — с гонкой на победителя по спасению животных, в которой участвуют только западные спортсмены, и, соответственно, конструируется «другая» Россия, где живут бессердечные люди, которым противопоставляются милосердные западные люди.

Носит ли подобное дискурсивное конструирование России системный характер? Может возникнуть возражение, что CNN и «New York Times» — это издания с не очень хорошей репутацией. Президент США Д. Трамп назвал эти издания фейковыми новостями (*fake news*). Возможно, они конструируют все, а не только Россию, это их редакционная политика, а остальные западные СМИ не такие?

Действительно, в данных двух статьях о бродячих собаках еще трудно доказать использование технологии, однако уже на следующий день такое предположение начинает укрепляться. Солидное издание «National Geographic» 6 февраля 2014 г. опубликовало статью под заголовком «Stray dogs in Sochi: what happens to the world's free-roaming canines?» (Бродячие собаки в Сочи: что происходит в мире с бродячими собаками?) [3: URL]. В этой статье наличие тысяч бродячих собак в олимпийском Сочи подается уже как неоспоримый факт, о котором «правдиво» рассказали в СМИ. И на основе этого якобы правдивого факта выстраиваются рассуждения об экологической проблеме бродячих собак во всем мире. Сконструированный днем ранее гротескный факт становится иллюстрацией реально существующей в мире проблемы. Благодаря тому, что гротескный вымысел помещается в когнитивный контекст истины, он приобретает ауру истинности. Вывод истинного суждения из ложной, явно гротескной посылки укрепляет предположение о технологичном создании данной статьи на основе статей в других СМИ, вышедших днем ранее.

Последующие публикации в разных СМИ продолжают дискурсивизацию объекта «бродячие собаки» по принципу линейного развертывания исходного содержания. Газета «USA Today» 10 февраля 2014 г. публикует статью под заголовком «How to adopt a stray dog from Sochi» (Как взять к себе домой бродячую собаку из Сочи?) [6: URL].

Содержание данной публикации представляет собой развитие содержания предыдущих статей из других СМИ: единственный способ спасти животных — это увести их с собой. Противопоставление «милосердного, хорошего» Запада и «жесткой, плохой» России хотя и завуалировано, но легко домысливается читателем.

По принципу линейного, сериального развертывания содержания сконструированное в СМИ милосердие к собакам продолжено конструированием милосердия к российским гражданам. В тот же день, что и проанализированная выше публикация, 10 февраля 2014 г., выходит статья в газете «Guardian» под заголовком «The Sochi stray dog dilemma: does the world care more about Russia's animals than humans?» (Дилемма по поводу бродячих собак в Сочи: неужели мир больше озабочен животными в России, чем людьми?) [2: URL]. Ключевое слово здесь *dilemma*; оно означает аргумент, заставляющий собеседника выбрать одну из альтернатив: или / или (от греч. *di* — два и *lemma* — утверждение, посылка). В статье звучит призыв к мировому сообществу переменить внимание от животных на страдающих людей, выбрать аргумент о людях в оценке России как более важный из двух.

Итак, в общем сериальном развитии содержания англоязычные СМИ переходят от конструирования конкретного объекта к конструированию России в целом как плохой страны (плохая организация Олимпиады, отсутствие милосердия, страдающие люди).

Через две недели после первых публикаций, 19 февраля 2014 г., вышла завершающая, по нашим данным, статья в газете «Today», в которой общее содержание, касающееся сочинских бродячих собак, находит свою кульминацию в сюжете наподобие мыльной оперы. Заголовок статьи: «Puppy love: US Olympians work to adopt stray dogs in Sochi» (Любовь к щенкам [Щенячий восторг]: олимпийцы из США предпринимают действия, чтобы взять с собой бродячих собак из Сочи) [5: URL].

Заголовок статьи можно перевести двояко, поскольку словосочетание *puppy love* используется в двойном значении. Прямое значение слова *puppy* (щенок) реализуется благодаря контексту: речь идет о сочинских собаках, по ассоциации, и о щенках, соответственно, *puppy love* — любовь американских спортсменов к щенкам.

Однако в системе английского языка *puppy love* — фразеологизм. Его точный эквивалент в русском языке — *щенячий восторг*, т. е. «настоящая, подлинная радость, подлинная любовь, находящая бурное эмоциональное выражение». Реализация фразеологического значения одновременно с предметным закрепляет впечатление о милосердии западных спортсменов; они испытывают щенячий восторг, увозя с собой сочинских щенков.

Во всех проанализированных статьях ощущается действие единого порождающего принципа — единой дискурсивной технологии. Если обладать необходимыми лингвистическими знаниями, то данную технологию можно деконструировать, понять ее суть. При деконструкции лингвист должен обнаружить когнитивную схему, заложенную в основании технологии. При этом могут использоваться другие термины, чем у авторов технологии, например, у авторов могли быть термины *отражение* или *точная репрезентация действительности*, а у деконструктора — *мониторинг*. Иными словами, тот, кто

создает и кто вскрывает технологию, могут описывать ее на разных научных языках. Но поскольку каждая технология имеет объективное когнитивное основание, эти языки должны быть взаимопереводимыми.

Когнитивная схема, лежащая в основе конструирования действительности в проанализированных ранее статьях, представлена на рисунке.

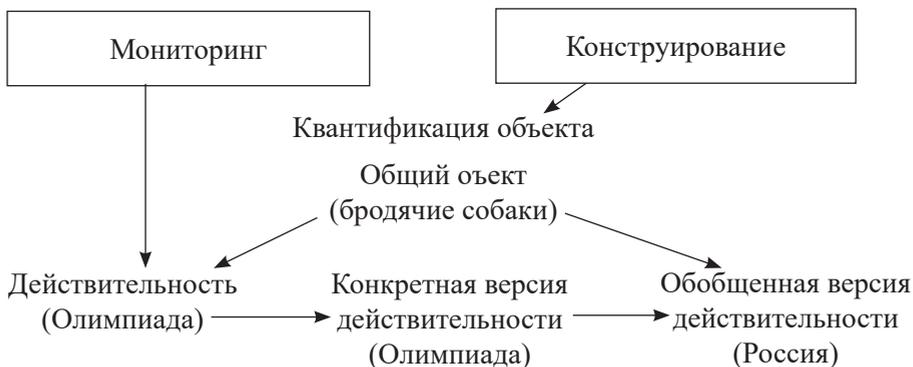

Рис. Технология перехода от дискурсивного мониторинга к дискурсивному конструированию действительности

Как показано на рисунке, переход от мониторинга к конструированию обеспечивает некий общий объект, присутствующий и в действительности, и в ее сконструированной нарративной версии, в данном случае этот объект — бродячие собаки. При конструировании задействован когнитивный механизм квантификации объектов, референтного приумножения (вместо нескольких собак — тысячи). С помощью квантификации создается преувеличенная, но все же конкретная версия действительности, связанная с конкретным местом и временем. Эта конкретная версия служит основой обобщенной версии, негативно представляющей уже всю Россию в целом.

Название технологии — переход от дискурсивного мониторинга к дискурсивному конструированию действительности — дано в лингвистических терминах на основе лингвистического знания. Оно базируется на теории социального конструктивизма, согласно которой мир конструируется людьми в их социальной деятельности, и язык играет важную роль в этом процессе [7]. Основой предложенных понятий является также теория репрезентации — когнитивной, языковой, дискурсивной. Когнитивные репрезентации относятся к представлению мира в сознании человека в виде концептов, пропозиций, схем, фреймов, сценариев и других когнитивных структур [20]. Языковые репрезентации объективируют когнитивные категории средствами языка [8]. Дискурсивные репрезентации — это способы представления мира в дискурсе, включающие в себя, во-первых, отражение, зеркальный слепок мира, представление одних только фактов, или дискурсивный мониторинг, и, во-вторых, конструирование мира либо в процессе непосредственного общения, либо как создание нарративных версий действительности [12; 17].

Лингвиста, создающего или деконструирующего технологию, можно назвать дискурсивным технологом (*discourse technologist*) [15]. Как отмечает Н. Фэрклоф, в современном западном обществе организации-заказчики повсеместно нанимают дискурсивных технологов для разработки инструкций пользователям по технологичному созданию необходимого дискурса.

В анализируемой технологии это могут быть следующие инструкции: 1) ищи какой-нибудь объект, негативно характеризующий данную действительность; 2) квантифицируй этот объект в своей версии действительности; 3) переходи на уровень обобщения, создавай глобальную версию действительности; 4) в этих целях используй слова с двойным значением, обыгрывай двойные значения; 5) используй слова, вызывающие необходимые ассоциации.

Каждый раз меняя объекты, можно стабильно получать один и тот же результат: конструировать «отсталую, недемократичную, не придерживающуюся западных ценностей Россию». В описании сочинской Олимпиады в рамках данной технологии кроме объекта «бродячие собаки» были задействованы и другие объекты — «перегорающие лампочки», «плохие туалеты», «текущие батареи» и т. п. Несомненно, что выявленная технология используется как структура моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве [10].

Технологии дискурсивного конструирования России в целях диффамации активно используют не только англоязычные, но и другие западные СМИ. Так, описывается стратегия диффамации президента России В.В. Путина в период сочинской Олимпиады во французских СМИ [9]. В некоторых контекстах термины *стратегия* и *технология* являются синонимами, в частности, когда речь идет о единой схеме производства однотипного дискурса в разных СМИ. Французские СМИ прибегают к таким номинациям, как *царь*, *император*, *хозяин игр*, а сами олимпийские игры представляют как личное торжество президента (Путин откроет «свои» игры). И в этой технологии, как и в проанализированной ранее, спортивные события отодвигаются на второй план; вместо них конструируются «игры царя», персонифицированные и неумеренные, идущие вразрез с принципами олимпийского движения, которые к тому же тенденциозно увязываются с событиями на Украине. Л.Г. Викулова и Н.В. Новиков делают вывод, что в предметной сфере *спорт* актуализируются признаки «антидемократия», «ограничение гражданских прав», «опасность» в рамках ключевой леммы *царь*, соединяющей в своем значении все эти признаки в сознании французских читателей.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые технологии дискурсивного конструирования России относятся не только к Олимпиаде 2014 г.; этот период был выбран лишь в качестве яркого примера. Как показывает анализ западной прессы на протяжении многих лет, использование данных и других технологий носит тотальный характер. Мы выдвигаем положение, что они применяются в качестве *дискурсивного оружия*. Под дискурсивным оружием мы понимаем дискурс, которым специально овладевают для того, чтобы с его помощью

сражаться с противниками или конкурентами и добиваться лучшей, чем у них, эффективности в своей деятельности. Это может быть экономическая, идеологическая, пропагандистская, рекламная, пиар-деятельность, проведение дебатов, переговоров, пресс-конференций, брифингов, а также защита человеком своей чести и достоинства, защита репутации и т. д. Существующий термин-аналог *информационное оружие* имеет несколько иное содержание. Информационное оружие определяется как средство защиты собственной информации, похищение информации противника и дезинформация противника [19]. Следовательно, информационное оружие предполагает прежде всего технический аспект; примерами его использования могут быть хакерские атаки и сайт WikiLeaks, цель которых — похищение информации противника и предание ее гласности.

Н. Фэрклоф впервые обратил внимание на использование дискурса в экономических целях как средства победы в конкурентной борьбе за клиентов [15].

Если коммерческие организации разрабатывают свои собственные технологии, нанимая дискурсивных технологов, то неужели медиаорганизации не делают этого, а также политические, дипломатические и т. д.? Было бы наивным думать, что западных журналистов, пишущих о России, обучают одним лишь общепрофессиональным технологиям типа технологии «Поставь тему и придержишься темы, не давай сбить себя с темы, веди тему» [18]. Их явно также обучают тому, как пользоваться технологиями в качестве дискурсивного оружия, т. е. конструировать для западного читателя определенный, заранее заданный образ России.

Дискурсивные технологии, задуманные как дискурсивное оружие, тщательно охраняются их создателями и пользователями. Политики и их спичрайтеры не афишируют знания, которые были заложены ими в структуру той или иной политической речи или интервью. Руководители компаний не афишируют, что обучают своих сотрудников применению в работе с клиентами строго установленного технологичного дискурса. Корпус западных журналистов, пишущих о России, точно так же использует специально разработанные и, очевидно, тщательно охраняемые технологии.

Библиографический список

Источники

1. CNN. [Электронный ресурс]. URL: <http://edition.cnn.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
2. Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 02.09.2017).
3. National Geographic. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalgeographic.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
4. New York Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
5. Today. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.today.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
6. USA Today. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/> (дата обращения: 02.09.2017).

Литература

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
8. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 12–28.
9. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера *спорт* // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–49.
10. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
11. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
12. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 41–46.
13. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник МГЛУ. 2015. № 3 (714). С. 72–83.
14. Fairclough N. Language and Power. London: Longman Group UK Limited, 1989. 253 p.
15. Fairclough N. Technologicalisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. New York: Routledge, 1996. P. 143–159.
16. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 224 p.
17. Potter J., Hepburn A. Discursive constructionism // Handbook of Constructionist Research. New York: Guildford, 1998. P. 275–293.
18. Willis J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality. New York: Praeger Publishers, 1991. 264 p.

Справочные и информационные издания

19. Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
20. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

References*Istochniki*

1. CNN. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://edition.cnn.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).
2. Guardian. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (data obrashheniya: 02.09.2017).
3. National Geographic. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.nationalgeographic.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).
4. New York Times. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.nytimes.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).

5. Today. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.today.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).

6. USA Today. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.usatoday.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).

Literatura

7. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

8. Boldy'rev N.N. O tipologii znaniy i ix reprezentacii v yazy'ke // Tipy' znaniy i ix reprezentaciya v yazy'ke: sb. nauch. tr. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2007. S. 12–28.

9. Vikulova L.G., Novikov N.V. Formirovaniye negativnogo obraza politika v massmedijnom diskurse: predmetnaya sfera sport // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 42–49.

10. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.

11. Vodak R. Yazy'k. Diskurs. Politika. Volgograd: Peremena, 1997. 139 s.

12. Plotnikova S.N. Diskursivnoe konstruirovaniye kak teoreticheskoe ponyatie // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5. S. 41–46.

13. Plotnikova S.N. Diskursivny'e tekhnologii i ix rol' v konstruirovanii social'nogo mira // Vestnik MGLU. 2015. № 3 (714). S. 72–83.

14. Fairclough N. Language and Power. London: Longman Group UK Limited, 1989. 253 p.

15. Fairclough N. Technologicalisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. New York: Routledge, 1996. P. 143–159.

16. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 224 p.

17. Potter J., Hepburn A. Discursive constructionism // Handbook of Constructionist Research. New York: Guildford, 1998. P. 275–293.

18. Willis J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality. New York: Praeger Publishers, 1991. 264 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

19. Vsemirnaya e'nciklopediya: Filosofiya. M.: AST, Mn.: Xarvest, Sovremenny'j literator, 2001. 1312 s.

20. Kratkij slovar' kognitivny'x terminov. M.: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 245 s.

S.N. Plotnikova

Discursive Construction of Russia in Modern Western Massmedia

The paper focuses on the distinction between monitoring and construction of reality in media discourse. It is found out that the Western press in their coverage of the events in Russia deploy particular discourse technologies with the help of which narrative versions of reality are constructed and put to work in undermining the factual accuracy and objectivity.

Keywords: discourse technology; cognitive scheme; discursive weapons.